

УДК 1(075.8)

DOI: 10.18384/2310-7227-2015-4-110-118

А.Л. Рудакова*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)*

КОНЦЕПЦИЯ КОНЦА ИСТОРИИ Ф. ФУКУЯМЫ И ЕЁ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ

Аннотация. В статье анализируется популярная сегодня в западной социальной философии концепция конца истории американского учёного Френсиса Фукуямы, попытавшегося теоретически ограничить современное развитие всемирной истории схемой западной либеральной демократии как окончательной формой правления. Автором констатируется, что выдвинутая Фукуямой концепция «конца истории» не отвечает реальным тенденциям мирового общественного развития на рубеже XX–XXI вв. В работе критически интерпретируется антропологический смысл указанной концепции, в соответствии с которой движущими силами исторического развития объявляются социально-психологические факторы – логика желания и борьба за признание.

Ключевые слова: социальное познание, конец истории, западная либеральная демократия, логика желания, борьба за признание.

A. Rudakova*Hertsen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)*

F. FUKUYAMA'S END OF HISTORY CONCEPT AND ITS ANTHROPOLOGICAL SENSE

Abstract. The article examines popular in Western social philosophy concept of the end of the history by American thinker Francis Fukuyama who attempted to theoretically limit the development of the modern world history by a scheme of Western liberal democracy as the final form of government. The article criticizes the anthropological meaning of this conception, according to which the driving forces of historical development are determined by such socio-psychological factors as the logic of desire and struggle for recognition.

Key words: social cognition, the end of history, Western liberal democracy, the logic of desire, the struggle for recognition.

На рубеже XX–XXI вв. человеческая цивилизация столкнулась с серьёзными кризисными явлениями, которые захватили важнейшие виды общественной деятельности и затруднили функционирование мирового социального организма. Ситуация обострилась настолько, что вполне можно утверждать, что человечество сегодня столкнулось с самой драматической проблемой — проблемой выживания. Тем самым, современная эпоха по многим основаниям может рас-

смагиваться как эпоха переломная, чреватая неожиданными и трудно прогнозируемыми поворотами и изменениями.

В этих условиях, разумеется, резко возрастает потребность в глубоком осмыслении сложившейся ситуации и эффективном разрешении накопившихся проблем. Здесь перед исследователями встают значительные трудности, связанные с гетерогенностью современного человечества, многообразием природно-географических, социально-культурных, экономических, политических условий и обстоятельств, в которых живут и действуют люди разных национальностей в различных регионах нашей планеты. Поскольку эти проблемы имеют глобальный характер, то и поиск наиболее эффективных решений, по-видимому, прежде всего связан с философским дискурсом. На Западе авторами наиболее популярных и обсуждаемых философско-исторических работ стали С. Хантингтон [16], Ж. Бодрийяр [1], Ф. Фукуяма [12; 13; 14; 15].

Оценки и рекомендации, предлагаемые западными социальными философами, базируются на идеологических и философских принципах, которые не разделяются философами, принадлежащими к иным, не западным культурно-идеологическим традициям: России, Китая, Индии, ислама.

В своих философско-исторических исследованиях западные учёные, как правило, исходят из европо- и американоцентристской установок, в соответствии с которыми ведущей тенденцией мирового социально-экономического и политического развития объявляется либеральная западная демократия, которая со временем

якобы и восторжествует во всём мире.

В стремлении навязать эту точку зрения остальному миру западные политики, социологи и политтехнологи всемерно учитывают то обстоятельство, что на рубеже XX–XXI вв. в жизни человечества произошли важные технологические изменения, преобразившие социальную реальность. В повседневную жизнедеятельность людей активно вошли новейшие информационные технологии. И сегодня знания и информация становятся не менее существенными основаниями современного общества, чем труд и средства производства. В этих новых условиях значительно возрастают возможности манипулирования индивидуальным и общественным сознанием, то есть идеями, образами, символами, составляющими основу знания и информации [9].

Западные философы прикладывают большие усилия для того, чтобы доказать универсальный, общецивилизационный характер ценностей «западной либеральной демократии», полагая, что формирование ценностей социального рыночного хозяйства, правового государства и демократии составляют ведущую тенденцию мирового социально-исторического развития [11]. С этой точки зрения те национальные культурные ценности, которые не коррелируют с ценностями «западной либеральной демократии», представляют лишь досадную помеху универсальному историческому развитию.

Наиболее рельефно указанную точку зрения выразил американский учёный Френсис Фукуяма. В 1989 г. он, возглавлявший тогда отдел политического планирования госдепартамента Соединённых Штатов Америки, опубликовал статью под интригующим

названием «Конец истории?» [12], которая была оперативно переведена на многие иностранные языки и вызвала самые широкие отклики.

Стремясь аргументированно ответить своим многочисленным оппонентам, максимально прояснить смысл и уточнить нюансы своей концепции, Ф. Фукуяма в 1992 г. публикует монографическое исследование на затронутую тему под несколько видоизменённым названием «Конец истории и последний человек» [14]. Это исследование так же, как и исходная статья, стало чрезвычайно популярным, вызвало новую волну комментариев. С этих пор ряд принципиальных идей американского философа вошёл в число актуальных тем современной западной социальной философии, политологии и футурологии.

Методологические установки философско-исторического исследования, сформулированные Ф. Фукуямой в конце XX в. и вытекавшие из представлений об однополярном мире при экономической, политической и военной гегемонии США, к середине второго десятилетия XXI в. выглядят явно устаревшими. Мир меняется. Стремительное социально-экономическое и политическое развитие таких стран, как страны БРИКС, и прежде всего – России, Китая и Индии, является основой формирующегося на наших глазах нового многополярного мироустройства.

При оценке концепции американского философа необходимо, прежде всего, выяснить, какой же смысл он вкладывает в содержание своего тезиса «Конец истории» и чем объяснить несомненную популярность указанных произведений.

Отвечая на поставленные вопросы, следует отметить, что указанные работы американского учёного оказались очень актуальными – конец века, а тем более – тысячелетия, традиционно является временем подведения итогов мировой истории и определения её перспектив. Причём, по многим основаниям, современная эпоха может рассматриваться как эпоха переломная. «Тезис “конца истории” подразумевает, что все или некоторые формы общественной жизни и индивидуального человеческого существования достигли своей совершенной и непревзойдённой формы. Ход событий может теперь заключаться лишь в том, чтобы наполнять эти формы акцидентальным многообразием жизни» [6, с. 51]. Поэтому, размышления о том, «созданы ли в ходе предшествующей истории такие идеи, идеалы и принципы, которые имеют общезивилизационную, универсальную и непреходящую значимость» [4, с. 149], представляются существенно важными для философии истории. Ф. Фукуяма утвердительно отвечает на этот вопрос. Он обозначает систему таких идей, идеалов и принципов терминами «западная либеральная демократия» и «современный западный либерализм».

Мыслительная фигура «конца истории», а ещё точнее, «конца времён» появляется в мировой культуре с завидной регулярностью и во множестве вариантов, отличить которые друг от друга возможно лишь при условии точного выяснения того содержания, которое каждый раз вкладывается в это понятие. В частности, на европейскую и мировую культуру огромное влияние оказала религиозная эсхатология, то есть учение о конечных судьбах мира, исто-

рии и человека, основательно разработанное в иудаизме и христианстве. Влияние христианских эсхатологических идей пронизывает и европейскую, и американскую философские традиции, и Ф. Фукуяма также его не избежал. Однако в изложении американского философа эти идеи претерпели заметную метаморфозу. Можно согласиться с одним из критиков в том, что «рисуемая Фукуямой картина есть не что иное, как атеистическая эсхатология, вульгаризированный христианский финализм» [6, с. 49]. Фукуямовская философия истории, в отличие от христианской, начисто лишена трансцендентного плана. Всё, что происходит, происходит по эту сторону существования. Подобная «подстанровка» на первых порах помогла американскому философу привлечь внимание многих читателей. Однако привлекательность сочинений Фукуямы в глазах читателей довольно быстро померкла: мало-мальски критический взгляд давал возможность разглядеть достаточно навязчивое восхваление западных (в основном американских) социально-экономических и политических порядков и институтов. Этому «отрезвлению», разумеется, помогло и развитие новейшей истории человечества, которое совершенно «не вписывалось» в финалистские схемы Фукуямы и по существу отрицало его философско-историческую доктрину. Разумеется, христианский эсхатологизм воспринимался Ф. Фукуямой сквозь призму развитой философской теории, разработанной в Европе в начале XIX века. Речь в данном случае идёт о философии Гегеля. Именно Гегелем в его знаменитой работе «Феноменология духа» [2] была осуществлена интересная попытка формулирования и глубокого фило-

софского осмысления понятия «конец истории» в контексте развитой философской системы. По Гегелю, развитие человеческой истории осуществляется в результате последовательного разрешения постоянно возобновляющегося противоречия господства и рабства, в результате чего возникшее рабское сознание постепенно преобразуется в сознание свободного гражданина всеобщего государства [2, с. 99–124]. При этом философия истории Гегеля остаётся схематической и спекулятивной. Она озабочена лишь тем, чтобы «подогнать» исторические события под умозрительные схемы, «наполнить» их соответствующим историческим содержанием. При этом выбор событий, символизирующих «конец истории», достаточно субъективен и во многом зависит от личных установок и предпочтений Гегеля. Для него это были события Великой французской революции и военно-политическая деятельность Наполеона. После победы Наполеона над немцами под Йеной в октябре 1806 года находившийся в этом городе Гегель взволнованно сообщал своему корреспонденту Нитхаммеру: «Самого императора – эту мировую душу – я увидел, когда он выезжал на коне на рекогносцировку. Поистине испытываешь удивительное чувство, созерцая такую личность, которая, находясь здесь, в этом месте, восседая на коне, охватывает весь мир и властвует над ним» [3, с. 255].

Гегелю показалось, что он явился свидетелем события исключительной важности: Йенской битвой завершается мировая история, история становления мирового духа. Теоретическое осмысление этих интуиций было им осуществлено в вышедшей в свет в 1807 г. «Феноменологии духа». Если следовать

логике Гегеля, история «заканчивается» в результате утверждения идей французской революции, завершившей эпоху национальных дифференциаций и провозгласившей наступление нового «сверхнационального» мирового порядка. В своих размышлениях о «конце истории» Фукуяма прежде всего опирается на идеи Гегеля. Уясняя для себя особенности гегелевской концепции «конца истории», американский философ касается и философско-исторических представлений К. Маркса, причём интерпретирует положения исторического материализма неадекватно и ошибочно. «И Гегель, и Маркс верили, – резюмирует Фукуяма, – что эволюция человеческих обществ не бесконечна; она остановится, когда человечество достигнет той формы общественного устройства, которая удовлетворит его самые глубокие и фундаментальные чаяния. Таким образом, оба эти мыслителя постулировали “конец истории”»: для Гегеля это было либеральное государство, для Маркса – коммунистическое общество. Это не означало, что остановится естественный цикл рождения, жизни и смерти, что больше не будут происходить важные события или что не будут выходить сообщающие о них газеты. Это означало, что более не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы будут решены» [14, с. 9]. Приведённые суждения Фукуямы не могут не вызвать удивления. Они ясно свидетельствуют о том, что, по крайней мере, во время написания указанных работ американский философ был недостаточно хорошо знаком с творчеством К. Маркса. Основоположник марксизма никогда не утверждал, что победа коммунизма

обозначит конец человеческой истории. Напротив, он неоднократно подчёркивал, что коммунистическое общество – это начало подлинной истории людей, в то время как вся предшествовавшая этому обществу социальная эволюция может рассматриваться лишь как предыстория. «Буржуазные производственные отношения, – отмечал в этой связи К. Маркс в своей известной работе “К критике политической экономии. Предисловие”, – являются последней антагонистической формой общественного процесса производства <...> Буржуазной общественной формой завершается предыстория человеческого общества» [7, с. 536–537]. Для Маркса коммунизм, то есть подлинная, истинная человеческая история – это бесконечно развивающийся процесс. По всей видимости, рассуждая о социальной теории К. Маркса, Ф. Фукуяма некритически воспринял мнения некоторых своих предшественников, приписавших Марксу идею конца истории.

Кто действительно воспринял идеи Гегеля о конце истории, так это его русско-французский комментатор А. Кожев [5], развивавший указанные идеи в XX столетии. Он предложил свой, как ему казалось, соответствующий реалиям XX в. вариант универсалистской концепции, вариант технократического тоталитаризма. В 1930-е гг. исследователь связывал свои ожидания «конца истории» с Советской Россией и деятельностью Сталина, а после окончания второй мировой войны – с Америкой и Генри Фордом. Но после посещения Японии в 1959 г. Кожев радикально поменял свои взгляды на этот счёт. Познакомившись с особенностями японской цивилизации, он высказал предположение, что эта цивилизация,

сложившаяся на путях, прямо противоположных американскому пути, то есть в отсутствие гражданских и внешних войн и искусственной изоляции страны, может обозначить контуры нового, непохожего на американский, универсального «конца истории». В этих условиях, как полагал Кожев, в Японии сложилась особая, формализованная система ценностей, полностью лишённых какого-либо «человеческого» (в значении «исторического») содержания. Яркими примерами таких ценностей он считает чайную церемонию, искусство составления букетов цветов (икебана), театр НО. Иными словами, недавно начавшееся взаимодействие Японии и западного мира в конце концов приведёт не к реварваризации японцев, а к «японизации» западных людей (включая русских) [5]. В своих философских размышлениях Ф. Фукуяма исходит из допущения, что поскольку исторический процесс складывается из результатов деятельности людей, то и вектор истории в конечном счёте определяется качествами и свойствами человека. А поэтому в основе философско-исторического дискурса необходимо должны находиться теоретически упорядоченные представления о человеке. Таким образом, проблема человека объявляется одной из центральных проблем философии истории. Между тем в понимании человека, по мнению Фукуямы, «современная мысль зашла в тупик и не может прийти к согласию о том, что составляет суть человека и его специфическое достоинство, а потому не может определить права человека» [14, с. 503]. Стремясь освободиться от популярного в мировой социологии влияния материалистических идей К. Маркса, Ф. Фукуяма ратует за воз-

вращение к Гегелю и «его нематериалистическому взгляду на историю, основанному на борьбе за признание» [14, с. 14]. Американский философ настаивает на том, что следует обратиться к тому аспекту исторического процесса, «в котором учитывается человек в целом, а не только его экономическая ипостась» [14, с. 14]. «... Экономическая трактовка истории, – продолжает он свою мысль, – неполна и неудовлетворительна, потому, что человек не является просто экономическим животным» [14, с. 14].

Следует, однако, отметить, что призывы Ф. Фукуямы исследовать «человека в целом» понадобились ему прежде всего для борьбы против материалистических идей К. Маркса. Развенчав и отбросив, как ему представляется, «экономического человека», он впадает в противоположную крайность: объявляет психологические мотивы деятельности человека – желание и жажду признания – подлинными основами истории. «... Исторический процесс, – объявляет Фукуяма, – покоится на двух колоннах-близнецах – желании и рациональном признании» [14, с. 503].

Такова, если подводить предварительные итоги, антропологическая, а ещё точнее – социально-психологическая, подоплека размышлений американского философа о конце истории. Но Фукуяма этим не ограничивается, он идёт ещё дальше по пути психологизации исторического процесса, по существу подменяя изучение глубинных социальных процессов социально-психологическими изысканиями и редуцируя социальные закономерности – к психологическим. «Борьба за признание, – утверждает он, – даёт нам возможность заглянуть

внутри международной политики. Жажда признания, приводившая когда-то к кровавым поединкам между бойцами, логически ведёт к империализму и созданию мировой империи. Отношения господина и раба внутри одной страны зеркально повторяются на уровне государств, когда одна нация как целое требует признания и ведёт кровавый бой за верховенство» [14, с. 20]. Столь же легковесно рассуждает Фукуяма об источниках самых тяжёлых международных конфликтов XX в. – двух мировых войн. По его мнению, источником этих страшных трагедий был «национализм», эта «современная, но не до конца рациональная форма признания» [14, с. 20]. Здесь фигурируют, по крайней мере, два совершенно недоказанных утверждения, принимаемые автором за истинные. Во-первых, что источником этих войн был именно национализм (то есть разделяемая определёнными социальными группами разновидность идеологии, политики, а также психологии в национальном вопросе). При этом совершенно не учитывается тот факт, что национализм как явление порождается существенными объективными факторами – экономическими, социальными, политическими, и что источники этих войн следует искать в реальных геополитических противоречиях, сложившихся в Европе в первой половине XX в. Во-вторых, национализм – это не до конца рационализованный форма признания. Перед нами – очередной пример психологизации сложных социальных явлений, абсолютно не помогающий правильно понять их сущность, происхождение, динамику взаимодействия с другими социальными явлениями и процессами. Опираясь на эти, по существу, недоказанные утверждения,

Фукуяма смело строит последующие умозаключения: «... Если в основе ведения войны лежит жажда признания, то разумно было бы поверить что либеральная революция, рвущая отношения рабов и господ и делающая рабов хозяевами самих себя, должна также действовать и в отношениях между государствами<...> Таким образом, мир построенный из либеральных демократий должен быть куда меньше подвержен войнам, поскольку все государства взаимно признают легитимность друг друга» [14, с. 20]. Указанный тезис вновь звучит вполне голословно, если, например, вспомнить историю развязывания первой мировой войны.

В 2006 г. выходит в свет книга Ф. Фукуямы «Америка на распутье. Демократия, могущество, наследие неоконсерватизма» [13], обозначающая новый этап развития его мировоззрения. В этой книге выдвигается и обосновывается доктрина «реалистического вильсонизма» [13, с. 24; 8], фиксирующая размежевание Фукуямы с неоконсерватизмом и решительный отход от прежних взглядов. По-видимому, этой мировоззренческой переориентации во многом способствовало резкое несогласие Фукуямы с политикой Джорджа Буша-младшего в отношении Ирака. Эта опрометчивая, агрессивная политика вызвала в мире всплеск негодования и ненависти. В этих условиях Фукуяма предпочёл сменить идеологические ориентиры, сконцентрировавшись на одной важнейшей цели – обеспечении того, чтобы «пробуждённый» к политической активности мир «не вышел из под контроля», чтобы «глобальная демократическая революция» ненароком не сменила «оранжево-розовые» тона на «красно-зелёные» [13], то есть чтобы

«цветные революции» не превратились в леворадикальные и исламистские.

Если в «Конце истории» грядущее торжество западной либеральной демократии обосновывается с привлечением гегелевских идей, и Фукуяма очень внимательно исследует отмеченную в «Феноменологии духа» динамику противостояний отношений «господство – рабство», приводящую в результате длительной борьбы человека за «признание» к свободе, то в «Америке на распутье» характер аргументации меняется самым решительным образом. Гегелевские идеи совершенно исчезают, ничего не говорится о борьбе за «признание» и последующей логике борьбы за свободу и права человека. Наступление эры либеральной демократии обуславливается теперь процессом модернизации общества на основе научно-технической революции. Таким образом, на первый взгляд, происходит удивительная мировоззренческая метаморфоза: философ-идеалист превращается в социолога-позитивиста. Однако, и здесь Фукуяма не оригинален. Он следует за знаменитым интерпретатором Гегеля А. Кожевым, уделявшим большое внимание технологическим идеям. На самом деле Фукуяма остаётся на позициях философии прагматизма, отличающегося, как известно, склонностью к эклектизму.

В 2014 г., через двадцать пять лет после публикации нашумевшей статьи «Конец истории?», в одном из интервью Ф. Фукуяма подвёл предварительные итоги своей теоретической работы и оценил степень истинности и адекватности своей гипотезы «конца истории» в изменившемся мире. Как и четверть века назад, американский философ продолжает утверждать, что капиталистическая либеральная демо-

кратия является конечным пунктом развития человеческой цивилизации. «... Я считаю, – говорит он, – что мой базовый тезис, несмотря на все существующие ныне проблемы, в основе своей совершенно справедлив. Дело в том, что в современном обществе не существует иных альтернатив, кроме рыночной экономики и демократической политической системы» [10]. Следует, однако, отметить, что в 2014 г. Фукуяма стал заметно осторожнее, чем в конце XX в. в своих прогнозах относительно масштабов и темпов продвижения институтов либеральной демократии в мире. Разумеется, он уверен в том, что «когда общество встаёт на эскалатор индустриализации, его социальная структура начинает меняться, и всё более широкие общественные круги начинают требовать участия в политике» [15]. Однако на практике этот процесс происходит с большими издержками и трудностями. Если следовать образным сравнениям Фукуямы, далеко не все страны неминуемо попадают на этот «эскалатор», поскольку для устойчивого экономического роста необходимо наличие определённых социальных институтов – функционирующие государственные структуры, защищённые судом контракты и т.д. Но в большинстве стран мира, констатирует Фукуяма, царит крайняя нищета народа и политическая разобщённость, а такие условия препятствуют формированию подобных институтов. Выход из этой социальной «ловушки» для каждой отдельной страны, полагает Фукуяма, связан с «прихотями истории», удачным расположением звёзд на историческом небосклоне, когда, например, в условиях тяжелейших военных испытаний в не-

которых странах возникали современные правительства и т.д. [10; 15].

Таким образом, дорога к либеральной демократии отнюдь не усыпана розами, и чтобы пройти её, требуются очень значительные усилия и, самое главное, удача. А там, где от народов удача отворачивается, – там, видимо, и переход к либеральной демократии оказывается невозможным, добавим мы от себя, следуя логике Фукуямы.

Подводя в заключение итоги философского творчества американского философа, следует констатировать, что выдвинутая им концепция «конца истории» оказалась ошибочной, не отвечающей реальным тенденциям мирового общественного развития на рубеже XX–XXI вв. Психологизируя исторический процесс, то есть редуцируя социальные закономерности к психологическим, Фукуяма в своей философии истории тем самым не сумел всесторонне и целостно выявить антропологический смысл исторического процесса, а нарисовал однобокую и ущербную схему, извращающую действительную историю. По существу, социальная философия Фукуямы – это наукообразная апологетика гегемонистских устремлений США. Поэтому и рассуждения Фукуямы о наступающем всемирном торжестве западной либеральной демократии, и в этом смысле – конце истории, оказались несостоятельными. Как ни старался он теоретически «закрыть» историю, сделать это ему не удалось. История открыта и не завершена. Более того, ведущие тенденции мирового социально-исторического развития сегодня дают основания предполагать, что человечество вступило на путь труднейших испытаний и потрясений, которые и определяют контуры грядущего.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000. 324 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Гегель Г.В.Ф. Полн. собр. соч. В 14 т. М., 1959. Т. 4.
3. Гегель – Нитхаммеру. Йена, понедельник, 13 октября, в день, когда Йена была занята французами и император Наполеон въехал в её стены М., 1973. 576 с.
4. Замошкин Ю.А. «Конец истории»: идеологизм и реализм // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 136–150.
5. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб., 2003. 224 с.
6. Малахов В.С. Ещё раз о конце истории // Вопросы философии. 1994. № 7–8. С. 44–52.
7. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. М., 1979.
8. Межуев Б. Реалистический вильсонизм Ф. Фукуямы // Космополис. 2006. №1 (15). С. 24–33.
9. Пую Ю.В. Философия манипулирования. СПб., 2009. 376 с.
10. Теория о «конце истории» – справедлива. Интервью с Фрэнсисом Фукуямой [Электронный ресурс] // Человек без границ. URL: http://www.manwb.ru/articles/history/philosophy_history/FinalHistory_Fukujam/ (дата обращения: 10.11.2015).
11. Фридрих К. О функциях одной мыслительной фигуры // Вопросы философии. 1994. № 7–8. С. 88–100.
12. Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3.
13. Фукуяма Ф. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2008. С. 55–66.
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. 588 с.
15. Фукуяма об обществе будущего. Интервью с Фрэнсисом Фукуямой. М., 2015. 24 с.
16. Хангтингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. 384 с.